

дьяков, которых удалось выявить, с учётом ухода старых и прихода новых людей, на службе в губернии, видимо, осталось только 6 человек (с дьяком-секретарём канцелярии Сибирской губернии в Москве Г. Оловянниковым – 7). В следующем, 1720 г., число сибирских дьяков упало до 4 (или, с Оловянниковым, 5). Трое из них оставались на Урале, т.е. в западной части губернии. Таким образом, баланс оттока и притока приказных кадров высшей квалификации в местных учреждениях Сибирской губернии за период первой областной реформы был отрицательным. Объяснить это обстоятельство можно только процессом развития и укрепления коллежского аппарата и системы отраслевых учреждений, которые развивались приблизительно с 1715 г. и набрали силу к началу 1720-х гг. Это позволяет с довольно высокой степенью доверия отнести к тем данным, которые содержатся в «Ведомости» 1726 г. – на мой взгляд, она довольно правдоподобно отразила количественный состав дьяческого корпуса Сибири на излёте петровских реформ.

Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи

Аркадий Долгих

Законодательство Российской империи последнего столетия перед отменой крепостного права, несмотря на наличие ряда трудов историков и юристов на эту тему, изучено недостаточно. Это касается и вопроса о праве помещиков ссылать своих крепостных на поселение в Сибирь «за предерзостные поступки», которое, наряду с «домашним наказанием», сдачей в смиренные и рабочие дома, отправлением на каторгу и др., было реальным выражением вотчинной власти дворян над принадлежащими им крестьянами и дворовыми людьми. По словам И.В. Ружицкой, в ту пору «помещичьи крестьяне вообще не были субъектами гражданского права, будучи только его объектами (они же частично выпадали из орбиты действия уголовного права, так как помещики имели право суда и расправы в маловажных проступках своих крепостных)»¹.

Особенностью помещичьего права ссылки крепостных было то, что оно, в отличие от большинства других прав, всё же регулировалось законом². Это законодательство интересно, прежде всего потому, что в истории крестьянского вопроса найдётся немного сюжетов, где бы так ярко отразились колебания правительства в его решении в зависимости от ситуации и настроений монархов и их окружения. Вместе с тем в историографии, в том числе в справочных

© 2013 г. А.Н. Долгих

¹ Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 203.

² Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. М., 2004. С. 195.

изданиях, вопрос о правовом регулировании ссылки освещается с многочисленными неточностями³.

Законоположение о праве ссылки на поселение было введено актом Елизаветы Петровны от 13 декабря 1760 г., касавшимся не только помещичьих, но и дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и государственных крестьян, а также купечества (под последним, видимо, понимались горожане вообще). В отличие от помещичьих крестьян, применение данной меры в отношении всех этих категорий населения происходило по инициативе их обществ. Указ этот был мотивирован задачами заселения Сибири, однако тот факт, что на первом месте в нём стоит именно положение о ссылке владельческих крестьян по воле помещиков, свидетельствует, что речь шла и о новом способе контроля за крепостными. Единственным ограничением при этом был возраст ссылаемых – не старше 45 лет⁴. Тем самым помещики и общества лишались возможности ссылать в Сибирь престарелых людей, которых не желали кормить.

Наибольший интерес указ представляет именно в отношении помещичьих крестьян. А.Б. Каменский назвал его «одиозным», так как для русского крестьянина переселение в Сибирь было третьим по жестокости наказанием после смертной казни и ссылки на каторгу. «Но в этом переселении, – продолжал историк, – было одно своеобразное и неожиданное обстоятельство: отправленный в Сибирь земледелец из разряда помещичьих переходил в государственные крестьяне, чьё положение было несравненно легче... К этому следует добавить, что ни один здравомыслящий помещик... не был заинтересован в том, чтобы отправить в Сибирь как можно больше крестьян, да и вообще не мог стремиться избавиться от хороших работников. Возрастной же ценз не давал возможности избавляться и от бесполезных стариков, так что, чтобы попасть в Сибирь, надо было действительно изрядно досадить своему барину»⁵.

По мнению В.И. Карпеца, «указ 1760 года носит своеобразный уголовно-правовой характер. В порядке вотчинной юстиции помещик сам определяет состав преступления своего крестьянина, санкцией за которое является ссылка в Сибирь. Таким образом, гипотеза и диспозиция правовой нормы здесь весьма неопределённые, а санкция предельно определённая – пожизненная ссылка». Кроме того, «некоторые положения законодательства о переселении подтверждают наиболее уродливые стороны крепостнического быта (в частности, данное Указом 1760 года дозволение разлучать детей с родителями)». Наконец, «помещик, кроме избавления от “неспокойных” элементов, имел ещё одну

³ Так, Н.П. Ерошкин писал: «Закон 1765 г. давал помещикам право ссылать крепостных за их “предерзостные поступки” на каторгу. Помещику эти крепостные засчитывались как сданные в рекруты» (*Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение»*. Изд. 3. М., 1983. С. 99). Может быть, автор путает ссылку на каторгу и на поселение. В отношении первой в указе 1765 г. ничего не говорилось о зачёте сданных крестьян за рекрутов (их ссылали «на толикое время, на сколько помещики их похотят»). В новейшем справочном издании ошибочно отмечено, что право помещиков ссылать по своему произволу крестьян на каторгу было отменено в 1807 г. (на самом деле – в 1809 г.), а в 1809 г. якобы было отменено право ссылать на поселение в Сибирь (возможно, здесь имеется в виду своеобразный «мораторий» на сей счёт 1802 г., но об отмене этого права речи там не шло) (*Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия*. Т. 3. М., 2000. С. 137. См. ту же ошибку в изд.: *Латкин В.Н. Указ. соч.* С. 196).

⁴ ПСЗ-I. Т. 15. № 11166.

⁵ *Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века*. СПб., 1992. С. 253–254.

пользу: по указу 1767 года», изданному в дополнение акта 1760 г., «два или три сосланных в Сибирь крестьянина освобождали его от представления рекрутов с трёхсот душ своих крестьян по предъявлении рекрутской квитанции»⁶. Акт 1760 г. неоднократно в дальнейшем повторялся и уточнялся (так, сенатским указом 15 марта 1761 г. помещикам дозволялось ссылать крестьян на поселение, даже если они «были публично наказаны, но только бы годны остались к работе»⁷, а указ Сената от декабря 1787 г. подтверждал положение о ссылке на поселение людей не старше 45 лет⁸).

Заметим также, что в законодательстве империи издавна существовала в качестве наказания ссылка на поселение по решению судебных органов, подтверждённая, в частности, указом Екатерины II 10 февраля 1763 г. Однако в этом последнем нет никаких разъяснений в отношении предшествующего закона 1760 г., и оба этих указа, видимо, действовали параллельно, хотя позднейший из них формально перекрывал первый. При этом он вводил судебное расследование в отношении подозреваемых в преступлениях крестьян. Так, в пункте 3 указа говорилось, что если в повальном обыске «на оговорного окажутся какие явные подозрения, а к тому он человек подлой, то в таком уже случае и оговорного пытаться с рассмотрением во взыскание истины; а когда он с пыток не повинится, то отдать на поруки. А если, паче чаяния, никто такого на поруки не возмет, то сослать на житье в Сибирь, особливо что по обыску он не одобрен, но явные оказались на него подозрения»⁹.

Таким образом, ссылка по решению властей предполагала наличие преступления или хотя бы подозрения в нём, подтверждаемого «повальным обыском» (опросом окружающего населения на сей счёт). Однако если подозрения помещиков оказывались не доказанными, те обычно всё равно ссылали крепостных в Сибирь или сдавали их в рекруты. В случае же ссылки по воле помещиков речь шла либо о подозрениях помещиков (часто недоказуемых), либо о мелких «предерзостных» поступках крестьян типа «пьянства» или «воровства» (которые, видимо, доказательств не требовали). Ясно, что между указами 1760 и 1763 г. имелась существенная разница. Согласно первому, ссылка производилась по воле помещиков, а государственные органы выступали простыми регистраторами действий землевладельца, что, объективно говоря, вводило начало частного произвола в государственную правовую систему. Но, судя по всему, это противоречие не смущало самих законодателей, по крайней мере, до начала XIX века.

Возможен ли был возврат сосланных людей на прежнее жительство? Сосланные в Сибирь владельческие крестьяне меняли свой сословный статус, переходя обычно в сословие государственных крестьян (заметим, что за Уралом крепостного права практически не было: так, по данным 10-й ревизии 1857 г. в Сибири числилось всего 36 помещиков, владевших 3 700 душами). Несмотря на ряд осложняющих жизнь обстоятельств (суровый климат, отрыв от родственников), правовое положение крестьян, объективно говоря, в Сибири улучшалось. Но сама возможность их возврата назад, под помещичье иго, до определённого времени, видимо, сохранялась, чем их наказание как бы удваивалось. Этот вывод косвенно подтверждается указом 11 июля 1767 г.

⁶ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 498–499.

⁷ ПСЗ-I. Т. 15. № 11216. См. также: Т. 18. № 13019.

⁸ Там же. Т. 22. № 16602.

⁹ Там же. Т. 16. № 11750.

«О неотпускании сосланных за продерзости на поселение на прежнее жилище», изданным в связи с возвратом посадского жителя и дворцового крестьянина на прежнее место¹⁰. Назовём и акт Сената 30 мая 1782 г. «О записании в ревизских сказках крестьян, отданных для посылки в Сибирь на поселение, но после возвращенных, в тех селениях, из коих они были отданы»¹¹, и указ 14 ноября 1784 г. «О причислении отданных на поселение и возвращенных на прежние жилища разного звания людей к государственным крестьянам»¹². Последний из них особенно показателен. Речь в нём идет о случаях возвращения людей, сосланных в Сибирь, в том числе и по воле помещиков. Такие факты отмечены в Симбирской, Пензенской, Смоленской, Курской, Саратовской и Ярославской губерниях. Законодатель, что характерно, не выказывает никакого удивления на сей счет, что означает допущение такого порядка в принципе; его возмущает лишь то, что помещики (как и общества, не включавшие в себя крепостных), получив рекрутские квитанции за сосланных, возвращали их обратно. Выход был найден в записи этих людей в сословие казённых крестьян.

Вместе с тем сама императрица Екатерина II, не отменившая норм указа 1760 г., видимо, его не одобряла. Так, в указе 18 октября 1770 г. в связи с осуждением помещицы генеральши Эттингер (присвоившей себе судебскую власть, что выразилось в сечении ею крепостного за преступления, подлежащие ведению «городской юстиции», среди которых упомянуты «побеги, воровство и подобное») 2-му департаменту Сената указывалось, «дабы, сходственно законам, власть судебская была охраняема от особенных вступлений в оной»¹³. А в указе 28 января 1766 г. «Об определении присылаемых на поселение за продерзости помещичьих людей в военную службу» одобрено предложение сибирского губернатора Д.И. Чичерина, суть которого заключалась в том, чтобы сосланных по воле помещиков крепостных, не способных к землепашеству и «домостроительству», отправлять вместо ссылки в военную службу в обмен на прослуживших в драгунских и солдатских полках «семьянистых и прилежных к домостроительству» заслуженных воинов, получавших, таким образом, возможность жить на земле и осваивать Сибирь¹⁴.

По сведениям В.Н. Латкина, в связи с реализацией указа 1760 г. имели место многие злоупотребления, например, ссылка на поселение старых, больных и дряхлых людей, число которых достигло к 1771 г. 6 тыс. человек, причём, по донесению того же Чичерина, «из отправляемых посельщиков едва четвертая часть доходила до места назначения вследствие страшной смертности среди них». Это донесение возымело действие, и по докладу Сената примерно в 1771–1772 гг. императрица приостановила подобную ссылку «до указа», но в 1775 г. она была вновь разрешена¹⁵.

При этом надо иметь в виду, что в 1765 г. издан указ о ссылке помещиками по их воле крепостных на каторгу на любой срок с возможным возвратом их обратно¹⁶, вроде бы противоречащий законодательству о ссылке на поселение. И хотя на каторгу всё же должны были отправляться виновные в более серьёз-

¹⁰ ПСЗ-И. Т. 18. № 12937.

¹¹ ПСЗ-И. Т. 21. № 15414.

¹² Там же. Т. 22. № 15090.

¹³ Там же. Т. 19. № 13516.

¹⁴ ПСЗ-И. Т. 17. № 12556; Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М, 1969. Стб. 836.

¹⁵ См.: Латкин В.Н. Указ. соч. С. 195.

¹⁶ ПСЗ-И. Т. 17. № 12311.

ных (в глазах помещиков и государства) преступлениях, тенденция к усилению крепостного права в екатерининскую эпоху очевидна.

Вектор политики в этой сфере начал меняться в павловское царствование, что было обусловлено целым рядом факторов, в том числе и воззрениями самого монарха¹⁷. Но это новое направление в правовой политике, имевшее конечной целью введение крепостного права в некие законные рамки, не повлияло на законодательство о ссылке крестьян в Сибирь. Павел I подтвердил положения акта 1760 г., издав указ 17 октября 1799 г., которым дозволялось помещикам по их желанию ссылать крепостных не старше 45 лет и без разлучения мужей и жен на поселение с зачётом в рекруты. Положено было брать с помещиков «жалованье и провиант на год с обыкновенными при рекрутском приеме обувью и платьем». Поселяемые за Байкалом должны были получать до 30 десятин и свободу на 10 лет от податей при отдаче с души 1 четверика зерна в запасной хлебный магазин. Сенату было приказано, «дабы приходящие на назначение свое поселяне не токмо ни в чем нужном им недостатку не имели, но и образованы были соответственно намерению, на каковое они поселяются»¹⁸. В акте 26 ноября 1800 г. оговаривалось, что жёны и дети сосланных мужей следуют за ними со взысканием с помещиков «для путевого содержания их провизии» с зачётом ссылаемых за рекрутов¹⁹. Заметим, что в акте 1799 г. не было заявлено, могут ли помещики возвращать сосланных крестьян обратно. Наконец, указ 13 октября 1800 г. гласил: «Дабы не произошло неумеренной отдачи на поселение людей, обратиться могущей во вред собственно самых тех селений, из коих собственно они отдаваться будут, и также, чтоб не истекало из сего благонамеренного положения и другого злоупотребления продажей квитанций; то в отвращение всего того на помянутое поселение принимать не иначе, как чтоб отданные на оное поселение люди... зачитаемы были единственно за рекрут, служащих с владения тех самых помещиков, которые отдают на поселение; данных же квитанций о принятых на поселение людей отнюдь за деревни других владельцев, а не того помещика, который отдает на поселение, не зачитать вместо рекрута»²⁰. Таким образом, не отменяя право, введённое указом 1760 г., Павел лишь старался уменьшить злоупотребления помещиков при организации ссылки, а также поставить преграду возможному возвращению крестьян под помещичью власть (хотя, видимо, это не всегда удавалось)²¹.

По словам законодателей начала XIX в., «до 1801 г. помещикам дозволено было в разные времена отдавать крестьян своих за распутство и дурные поступки в Сибирь на поселение... но с следующими ограничениями: а) годных к крестьянской работе отсылать летами не старше 45 лет с зачётом в рекруты (1760, 1799); б) женатых отсылать вместе с женами...; в) за малолетних детей, при них отдаваемых с согласия помещиков, платят и помещикам из казны определённую цену (1760); д) помещики обязаны отсылаемых снабдить платьем и обувью, как обыкновенно при рекрутском наборе... (1760, 1799); е) сверх того, давать им на пропитание на месте и в пути от 20 до 30 руб. сер. (1760);

¹⁷ См., например: Долгих А.Н. О программе Павла I по крестьянскому вопросу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2009. № 3. С. 22–27.

¹⁸ ПСЗ-I. Т. 25. № 19157.

¹⁹ Там же. Т. 26. № 19668.

²⁰ Там же. № 19598.

²¹ ПСЗ-I. Т. 25. № 18362, 18422, 18424, 18437, 18452, 18453, 18583, 18808; Т. 26. № 19342, 19529, 19640, 19641, 19730, 19740; Каменский А.Б. Указ. соч. С. 253–254.

f) к таковому поселению допущены были и за преступление подлежащие к ссылке, а не в каторжную работу (1799)»²².

Правление императора Александра I в отношении крепостного права стало продолжением политики его отца²³. Одним из важных указов начала его царствования стал акт 23 января 1802 г., приостановивший ссылку помещиками крепостных в Сибирь «впредь до повеления», в чём можно видеть очевидный либеральный жест монарха, хотя в самом указе эта сторона дела завуалирована, а мотивом издания акта выступают трудности организации поселения сосланных крестьян. При этом ссылка в Сибирь на поселение сохранялась для преступников, осуждённых по приговору. Но, по словам И.Е. Энгельмана, «так как дальнейших распоряжений не последовало», а указ «не содержал прямого отрицания права помещиков ссылать» крепостных на поселение, «то помещики продолжали пользоваться этим правом»²⁴. Указ 31 декабря 1802 г. о правилах «для выдачи зачётных за рекрут квитанций» по-прежнему исходил из положения о праве ссылки помещиками людей не старше 45 лет (возможно, речь шла о незавершённых делах на сей счёт)²⁵. Отметим и акт 29 июня 1806 г., разрешавший помещичьих людей, сосланных в Сибирь, селить за Байкалом²⁶. Возможно, речь шла об уже отправленных туда людях либо о тех, которые были сосланы после указа 25 января 1802 г. в его нарушение (о том же говорил и акт 30 ноября 1806 г.²⁷). Акт 14 июля 1810 г. запрещал зачитывать за рекрутов сосланных помещиками крестьян, что косвенно указывало на представления законодателей о сохранении в принципе норм закона 1760 г.²⁸

Показателен именно указ генерал-губернатору Новгородской, Тверской и Ярославской губерниям принцу Г.П. Гольштейн-Ольденбургскому 5 июля 1811 г., явившийся следствием рассмотрения дела тверской помещицы Воробьёвой, просившей сослать нескольких крестьян за недоказанный побег. Тверская уголовная палата уже готова была исполнить её желание, но генерал-губернатор обратился по инстанции с просьбой о разъяснении, «следует ли помещичьих крестьян ссылать на поселение, когда они, за преступления меньшие, нежели смертоубийство и т.п., назначаются туда по желанию их владельцев и по приговору суда, и одних ли их отсылать или с семействами и без различия ли лет». В указе были особо расписаны наказания для помещичьих крестьян. Так, в частности, за преступления 2-й степени их ссылали на поселение «не по просьбе или желанию помещика, но по закону и приговору Суда», причём без различия лет. За преступления 3-й степени крестьян нельзя было ссылать по желанию помещика, а следовало «подвергать полицейскому наказанию» с возвращением домой либо сдавать в смирительные и рабочие дома. Было отмечено, что ссылка крестьян по воле помещиков «остановлена» актом 8 января 1802 г. Достаточно определённо указывалось: «В решении дел над преступниками действует закон; никакое желание или нежелание помещика тут

²² РГИА, ф. 1149, оп. 1, д. 10 (1824 г.), л. 25–26 об.

²³ См., например: *Долгих А.Н.* Проблема формирования программы реформ Александра I по крестьянскому вопросу // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. Вып. 12 (56). С. 275–280.

²⁴ *Энгельман И.Е.* История крепостного права в России. М., 1900. С. 235.

²⁵ ПСЗ-I. Т. 27. № 20574.

²⁶ Там же. Т. 29. № 22189. См. также: Т. 27. № 20119.

²⁷ Там же. № 22377.

²⁸ Там же. Т. 31. № 24296. См. также: Т. 27. № 20265.

не совместно. Закон осуждает крестьянина к ссылке в Сибирь против воли помещика, равно как не внемлет его желанию при освобождении от оной»²⁹.

Но, как часто бывало при Александре, это пожелание не было исполнено. На практике закон о ссылке крестьян по воле помещиков отменён не был, подтверждением чему явился акт 30 сентября 1812 г., где в отношении крепостных постановлено, что помещик может отправлять в Сибирь детей крестьянина с выплатой за мужскую душу до ревизии³⁰. Тем самым власть признавала, что в определённое время «мораторий» на ссылку помещиками крестьян может быть отменён. Налицо игнорирование монаршей позиции, высказанной в указе 5 июля 1811 г. Таким образом, можно говорить лишь о гласно заявленной позиции монарха о запрете ссылки крестьян по воле помещиков (которой не до конца следовали на практике) и о формальном запрещении возврата их назад при сохранении других способов воздействия помещиков на крепостных.

В дальнейшем в политике правительства Александра I в отношении регулирования крепостного права произошёл явный поворот. Следствием его стал, в частности, известный указ 3 марта 1822 г., восстанавливавший право помещиков ссылать крестьян в Сибирь на поселение, причём, как указывал декабрист Н.В. Басаргин, «без всякого суда и следствия»³¹. История его такова. Дворовые люди помещицы Белозерского уезда Новгородской губ. Протасовой Ф. Максимов и С. Родионов были судимы за намерение отравить свою госпожу, но по недостатку улик совестный суд признал их вину недоказанной и постановил возвратить их на прежнее место жительства. Однако помещица, желая избавиться от «неблагонамеренных» людей, просила уездный суд зачесть ей их за рекрутов, предоставляя, впрочем, их и без зачёта в солдаты. Уездный суд, сославшись на указы 13 декабря 1760, 10 февраля 1763 и 30 сентября 1812 г. (последний разрешал ссылку удельных крестьян по решению властей данного ведомства на поселение в Сибирь за дурное поведение в случае их неспособности к военной службе), присудил сослать их на поселение в Сибирь с зачётом их помещице за рекрутов. Но губернское правление, руководствуясь актом 5 июля 1811 г., велело возвратить их помещице, предоставив ей право сдать их в рекруты. Затем один из них был сдан в рекруты, а другой по старости не был принят на службу. Тогда помещик Протасов просил Сенат, чтобы для «доставления ему и его жене личной безопасности» принять крестьянина Родионова в казённое ведомство, куда он окажется годен, и без зачёта. При рассмотрении дела в Первом департаменте Сената последовали разногласия, и оно было перенесено в Общее собрание Петербургских департаментов, которые поддержали решение уездного суда, предложив в таких случаях ссылать крестьян в Сибирь на поселение по воле помещика, если они окажутся негодными к военной службе. Министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский согласился с таким решением, и 24 сентября 1819 г. оно было отправлено в Государственный совет, так как заключало в себе изменение закона.

Совет в Департаменте законов и Общем собрании присоединился к мнению Сената, заключив: «Людей, удаляемых помещиками, посылать в Сибирь на поселение без зачёта за рекрут». Постановление Совета было утверждено монархом 3 марта 1822 г.³² При этом, как отмечал В.Н. Латкин, этим решением

²⁹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24707.

³⁰ Там же. Т. 32. № 25238. См. также: там же. № 25581, 25605.

³¹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 395.

³² ПСЗ-I. Т. 38. № 28954.

фактически были отменены ограничения указа 1763 г., существовавшие насчёт ссылки только тех крестьян, «кои не будут одобрены в повальном обыске»³³. Совет также расширил предложение Сената, сняв ограничения, связанные с освидетельствованием крестьян для определения их годности к военной службе. При этом новый закон ничего не говорил о том, ссылать ли вместе с мужем жену и детей, могут ли помещики требовать возврата крестьян обратно, имеются ли возрастные ограничения для ссылаемых крестьян. Ближайшие указы подтверждали эти положения акта 1822 г. Указом 13 июня 1823 г. губернские правления не должны были производить расследования в судах о крестьянах, отправляемых помещиками в Сибирь³⁴. И уж совершенно вопиющим был акт 29 февраля 1824 г. «О приёме представленных помещиками крепостных людей к отсылке в Сибирь на поселение без ограничения лет»³⁵.

Указ 3 марта 1822 г. вызвал ряд вопросов. Различные учреждения толковали его по-своему: одни принимали от помещиков для отсылки на поселение только негодных к военной службе, другие же придавали этому закону более общий смысл. В начале 1823 г. управляющий Министерством внутренних дел гр. В.П. Кочубей получил от Петербургского гражданского губернатора С.А. Щербинина записку с предложениями уточнить положения закона в тех случаях, когда крестьяне годны в рекруты, а также относительно престарелых людей, жён и детей ссыльных. На её основании Кочубей отправил в Совет проект, предлагая запретить при ссылке разлучать жён и мужей, детей до 10 лет отправлять с ними вместе, как требующих родительского попечения, престарелых же не посылать в Сибирь вообще. Департамент законов направил проект Кочубея на изучение в Комиссию составления законов, Совет которой (А.И. Тургенев, М.А. Балугьянский, Д.В. Дашков), рассмотрев его на заседании 26 июля 1824 г., пришёл к выводу о том, что до указа 3 марта 1822 г. «никто в государстве не отсылаем был в Сибирь за преступление без суда; но с издания сего мнения... сие зависит от произвола помещиков и правительственных распоряжений губернских правлений». Указав на неосновательность аргументации Сената (удельных крестьян можно было отправлять на поселение, согласно Положению об уделах, лишь по мирским приговорам с утверждением их Департаментом уделов, которому в удельных селениях принадлежала судебная власть), Комиссия постановила, что ни в каком случае нельзя ссылать крестьян в Сибирь без суда, но полагала, что иногда ссылку можно разрешить в виде простого переселения, отправляя мужа с женой и детьми не старше 10 лет и не посылая в Сибирь людей старше 50 лет, а помещик должен был снабдить крестьян одеждой, деньгами и платить подати за них до ревизии, без зачёта ссылаемых крестьян за рекрутов. Итак, хотя Комиссия не одобрила указ 3 марта 1822 г. (высказав ряд колких замечаний в адрес его создателей, которые не учли при его составлении законодательную практику) и ограничила прерогативы помещиков, она поддержала в принципе такое решение, подняв по неизвестной причине потолок ссылки крестьян до 50 лет. Соответствующий проект правил о ссылке крестьян по воле помещиков рассматривался в Совете, но решения по нему при Александре I не было принято³⁶.

³³ Латкин В.Н. Указ. соч. С. 195.

³⁴ ПСЗ-I. Т. 38. № 29507.

³⁵ Там же. Т. 39. № 29824.

³⁶ РГИА, ф. 1149, оп. 1, д. 37 (1819 г.), л. 1–8 об.; д. 10 (1824 г.), л. 1–148; ф. 1260, оп. 1, д. 558 (1824 г.); д. 800 (1824 г.), л. 1–100 об.; ф. 1286, оп. 3, д. 259 (1823 г.); Архив Государственного

Для многих отечественных историков указ 3 марта 1822 г. является одним из главных аргументов в пользу тезиса об усилении реакционного курса самодержавия по крестьянскому вопросу в эту эпоху. Вот, например, что писал о нём С.В. МIRONENKO: «В историографии указ от 3 марта 1822 г. как-то не оценён по достоинству. До сих пор апогеем крепостничества считается крестьянское законодательство Екатерины II. Изданный в 1822 г. указ даёт все основания поставить под сомнение приоритет державной бабки и по справедливости передать пальму первенства её венценосному внуку. Достоинно изумления, что поворот верховной власти к реакции был ознаменован шагом, по своему крепостническому содержанию превзошедшим меры, бывшие реакционными даже в далёком уже XVIII столетии»³⁷. Аналогичной позиции придерживается В.Я. Гросул, отмечавший, что «этот закон не только не ограничивал крепостнических устремлений помещичьих кругов, но впервые за 21 год правления Александра I явно расширял права помещиков... В значительной степени этот указ перечеркнул всю многолетнюю работу по ликвидации крепостничества, и дальнейшее укрепление крепостнических отношений получило юридическую подпорку»³⁸. О «невиданно жестоком законе» о ссылке в Сибирь крепостных за «дурные поступки» писал Н.А. Троицкий, отмечая, что понятие «дурной поступок» толковалось «цинично»: «причиняющий беспокойство помещикам»³⁹.

На мой взгляд, не стоит придавать этому указу столь важное значение, так как он мало влиял на общий объём помещичьих прав на крепостных. Следует согласиться с мнением Н.И. Казакова, что «было бы наивно предполагать, что Александр I строго придерживался духа и буквы своих либеральных планов и не нарушал их в процессе государственного переустройства, что у него не было порой весьма печальных рецидивов реакционной практики своих предшественников»⁴⁰. Скажем и о том, что нормы указа 1822 г. не полностью повторяли положения акта 1760 г.: так, сосланных крестьян нельзя было зачитывать за рекрутов. И всё же указ фактически давал возможность помещику, не желавшему кормить старых и больных людей, ссылать их в Сибирь, где они должны были находиться на попечении правительства.

Следствием понимания этих обстоятельств стало законодательство царствования Николая I. В современной историографии преобладает признание того, что в этот период «крепостное право не усилилось». Правительство издало более ста актов, регулирующих отношения помещиков и их крестьян, многие из которых «были направлены на облегчение положения крепостных»⁴¹. Исключением не стало и законодательство о ссылке крестьян на поселение по воле помещиков.

Сам Николай I считал акт 3 марта 1822 г. «неудобным», что явствует из его резолюции на всеподданнейший доклад рижского военного губернатора маркиза Ф.О. Пауллуччи 4 февраля 1828 г., записанной гр. В.П. Кочубеем. Монарх «желал бы найти средство отвратить или уменьшить» его неудобства, предлагая постановить, чтобы «помещики представляли людей своих» в губернские

Совета. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1874. С. 349–354; ПСЗ-I. Т. 39. № 29930.

³⁷ МIRONENKO С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 220–221.

³⁸ Гросул В.Я. Истоки трёх русских революций // Отечественная история. 1997. № 6. С. 36.

³⁹ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 274.

⁴⁰ Казаков Н.И. Послесловие // Валлоттон А. Александр I. М., 1991. С. 386.

⁴¹ См., например: Ружицкая И.В. Указ. соч. С. 190 и др.

правления «с обозрением причин», по которым хотят их сослать в Сибирь, «со взносом нужных на путевые издержки денег», но чтоб сами губернские правления «не имели обязанности всех таковых людей непременно в Сибирь отправлять», обращая годных в военную службу, а «неспособных или поселять в Сибирь, или обращать в иное место». В качестве мотивов предполагавшегося изменения закона выставлялись улучшение положения с распределением людей на поселения в Сибири и решение рекрутской проблемы, но не ограничение прав, точнее самоуправства помещиков⁴².

Первой мерой нового императора в этой сфере стал указ 30 августа 1827 г., регламентирующий ссылку крестьян помещиками (они могли сослать крестьян не старше 50 лет, за исключением увечных и дряхлых, с женой и детьми до 15 лет мужского и до 10 лет женского пола, с выплатой повинностей и подушных денег помещиком до ревизии и др.)⁴³. Но затем монарх склонился к компромиссному решению, следствием чего стал указ 22 июня 1828 г., на основании которого дела подобного рода окончательно решались на уровне губернского правления, организовывавшего «повальный обыск» и по его итогам при любом исходе отправлявшего крестьян либо в военную службу, либо в ссылку⁴⁴ (т.е. фактически произошёл возврат к нормам указа 20 февраля 1763 г.). Это же положение, в общем, сохранилось и в Своде законов 1832 г.

В актах 18 февраля 1831 г. и 28 июня 1845 г. говорилось о разрешении помещикам, которым были возвращены крестьяне «старее 50 лет», наказанные по решениям суда, сослать их в Сибирь, что ужесточало их наказание⁴⁵. Указ 24 июня 1846 г. включал в перечень ссылаемых отдельно женщин старше 50 лет с выплатой всех сумм помещиками как за мужчин, а также требовал обязательного удостоверения в том, что эти люди уже были наказаны сдачей в смиренные и рабочие дома и в арестантские роты гражданского ведомства, и только после этого помещики и общества (последнее здесь не совсем понятно, возможно, речь шла и об обязанных крестьянах) могли ходатайствовать перед губернскими правлениями о ссылке крестьян на поселение⁴⁶. При разработке данного указа Общее собрание Государственного совета 20 декабря 1845 г. отметило, что «опыт неоднократно, к сожалению, доказывал и доказывает, что крепостной человек, перейдя за пределы означенного возраста (50 лет. — *А.Д.*) и зная, что тогда он не может уже быть ни отдан в рекруты, ни сослан на поселение, дозволяет себе, с явною иногда дерзостью, столь порочное поведение, что оно становится, наконец, совершенно нетерпимым, хотя и не соединено с проступками, которые подвергали бы виновного суду уголовному. В таком случае удаление подобного человека из имения требуется уже решительною необходимостью, и не столько ещё для избавления от него самого владельца, сколько по видам пользы общественной. Исполнение сего должно лежать прямо на обязанности помещика, соединяющего в лице своём, независимо от права владения, и право полицейского надзора и право судьи в делах по внутреннему благоустройству имения»⁴⁷. Наконец, по указу 8 декабря 1847 г. помещик мог удалять из своего имения навсегда (но не в Сибирь, а в соседние уезды или

⁴² РГИА, ф. 1167, оп. 16, д. 135, л. 16–18.

⁴³ ПСЗ-П. Т. 2. СПб., 1830. № 1339.

⁴⁴ Там же. Т. 3. СПб., 1830. № 2107.

⁴⁵ Там же. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1832. № 4365; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1846. № 19131.

⁴⁶ ПСЗ-П. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1847. № 20158.

⁴⁷ *Ружницкая И.В.* Указ. соч. С. 197–198.

губернии) несовершеннолетних крестьян (от 8 до 17 лет), при этом мальчиков сдавали в школы военных кантонистов, а девочек – в казённые селения⁴⁸.

Трудно дать однозначную оценку этого законодательства николаевского времени. С одной стороны, по словам И.В. Ружицкой, такого рода актами расширялись «репрессивные права помещиков», хотя нужно иметь в виду, что при любом исходе дела сосланные крестьяне теперь уже окончательно выбывали из-под помещичьей власти, что объективно сокращало сферу распространения крепостного права и соответствовало общим тенденциям царствования Николая I в этой сфере⁴⁹. В принципе же это законодательство было достаточно рутинным. Вместе с тем наиболее крайние нормы указа 1760 г. фактически были отменены, хотя сам указ действовал до крестьянской реформы 1861 г.

Заметим, что количество людей, сосланных в Сибирь по указу 1760 г., сравнительно невелико. Суммируя отрывочные данные, можно полагать, что в среднем за год ссылалось от 1 до 2 тыс. человек, что не так уж много. Очевидно, что это число имело тенденцию к сокращению. По данным В.Н. Бочкарёва, за 1822–1823 гг. помещиками были сосланы 1 283 человека⁵⁰. По словам Е.Н. Анучина, при Николае I по воле помещиков в 1827–1846 гг. было отправлено в Сибирь на поселение 4 197 душ мужского пола и 2 689 душ женского пола⁵¹.

⁴⁸ ПСЗ-П. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1848. № 21768.

⁴⁹ Ружицкая И.В. Указ. соч. С. 145, 194–198.

⁵⁰ Бочкарёв В.Н. Быт помещичьих крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание в 6 т. Т. 3. М., 1911. С. 30.

⁵¹ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 23. См. также: Семевский В.И. Борьба крестьян с помещичьей властью в царствование императора Николая I // Русская старина. 1887. Т. 53. № 2. С. 420; Латкин В.Н. Указ. соч. С. 195–196.

Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.)

Евгений Крестьянников

В условиях крайне разнородного сибирского общества преследование и наказание преступников имели ещё более важное значение, чем в других регионах Российской империи. В Сибири вплоть до введения в 1897 г. Судебных уставов Александра II расследованиями по криминальным делам занималась полиция (с 1885 г. – вместе с судебными следователями), являвшаяся в определённом смысле органом юстиции. При господстве розыскных начал судебного процесса, его закрытости, письменной форме, действию системы формальных доказательств и существовании формального следствия именно от неё в первую очередь зависело правосудие.

© 2013 г. Е.А. Крестьянников

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0481.